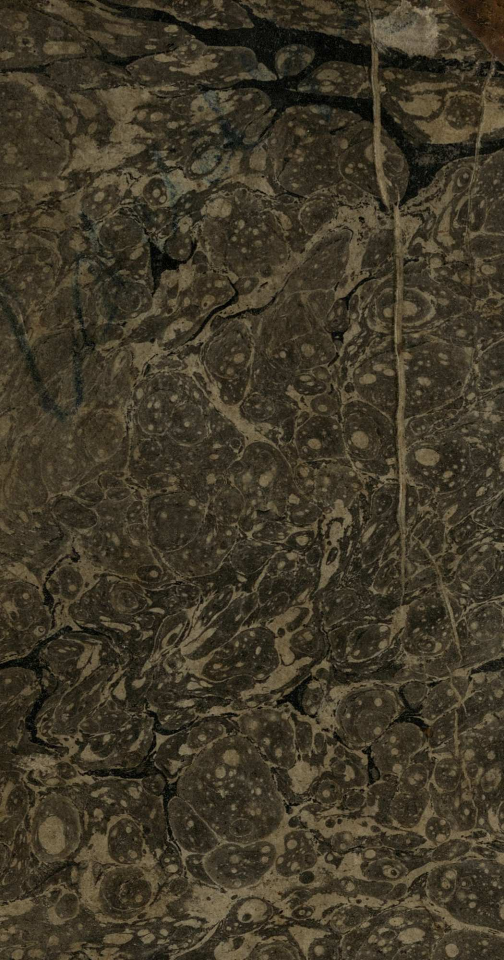
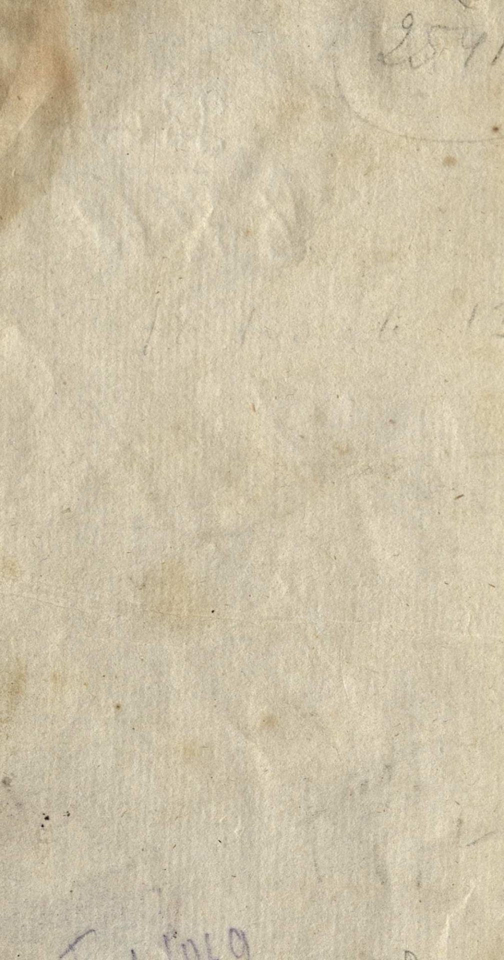

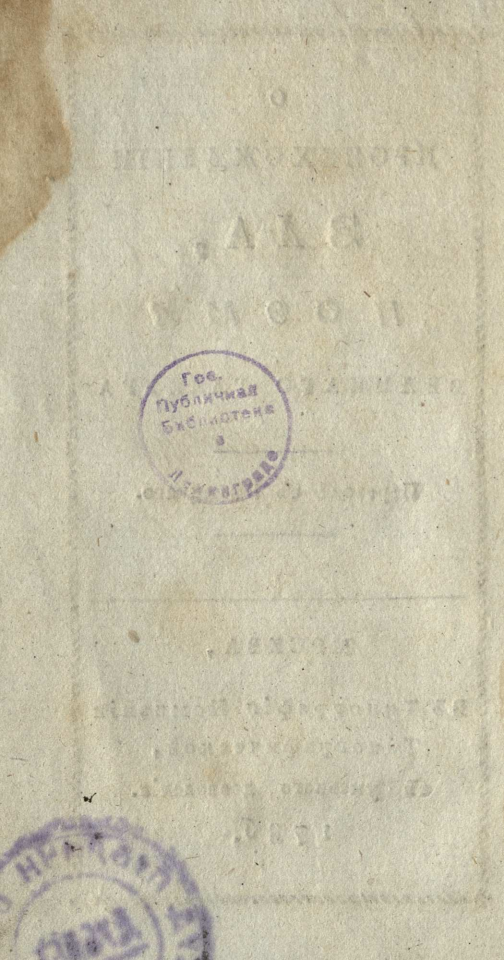
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЛА,

ПОЭМА

ВЕЛИКАГО ГАЛЛЕРА.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ указнаго дозволенія.
1786.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ЕГО

ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

МИЛОСТИВОМУ

ГОСУДАРЮ

ВАСИЛІЮ МИХАЙЛОВИЧУ

КАРАМЗИНУ.

Родство и дружба соединяютъ сердца наши союзомъ неразрывнымъ. Всегда почитаю я то время щастливѣйшимъ временемъ жизни моея, когда имѣю случай излить предъ Вами ощущенія сердца моего; когда имѣю случай

сказать Вамъ, что я Васъ люблю и почитаю. Да внушитъ же Вамъ приношеніе сіе оную истинну, и да послужитъ новымъ для Васъ увѣреніемъ, что я во всю жизнь свою буду

Вашимъ покорнѣйшимъ
братомъ и слугою
Николай Карамзинъ.

ПѢСНЬ I.

Нѣжный зефирѣ побудилѣ меня нѣкогда остановиться между древами на уединенныхѣ холмахѣ. Изѣ подошвы возвышеній сихѣ истекаетѣ тихая рѣка, коея воды составляетѣ множество совокупившихся источниковѣ. Внизу открывалася мнѣ пространная страна, ограниченная обширностію своею, которой око нигдѣ конца не обрѣтало, кромѣ тѣхѣ

 мѣстѣ,

ются тамо до половины обнаженныя буковыя древа, а здѣсь густая зелень соснъ осѣняетъ блѣдный мохъ. Въ мрачность зримыя сѣни, когда вѣяніе вѣтерка раздѣляетъ тѣсно соединенныя вѣтви древесъ, проницаетъ почасту лучь солнца, и распространяетъ по ней свѣтъ трепещущій; зеленая нощь разновидно совокупляется тутъ со златозарнымъ днемъ. Коль пріятна тишина древесъ! коль пріятно между древами сими раздающееся эхо, когда соборъ щастливыхъ тварей, исполненныхъ спокойствія, въ беззаботномъ наслажденіи вос-

воспѣваетъ радостныя пѣсни (*)! Коль пріятно паденіе онаго ручья, извивающагося по зеленой муравѣ, съ журчаніемъ мчащаго слабыя струи свои, вдругъ съ шумомъ низвергающагося съ крутыхъ кам-

(*) *Подъ сими щастливыми тварями разумѣетъ Галлеръ Альпійскихъ пастуховъ. Все, слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни ихъ, въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ щастливцахъ часто побуждало меня восклицать: „О смертные! почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей! почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ!"* Примѣчаніе переводчика.

камней, и превращающаго воды свои въ прозрачные и перловые пузырьки! Огненный образъ солнца плаваетъ по пруду сему, и является подобенъ щиту діамантовому; самое же солнце сокрываетъ отъ земныхъ очей пламенную главу свою въ море лучей, и содѣлываяся невидимо отъ великаго свѣта, покрывается сіяніемъ своимъ. Тамо Веттергорнъ, перерѣзывая тонкія облака, возвышаетъ верьхъ свой, до коего и пернатыя никогда не возлетали; розовое сіяніе озаряетъ его, и сѣдая его глава, украшаемая блестящимъ снѣгомъ и

и пурпуромъ, постыждаетъ лазуревые хребты горъ обыкновенныхъ (*). Все, что зрю я: — безконечное пространство неба, среди коего въ свѣтлой лазури плаваетъ земля наша, ни на какихъ столпахъ не утвержденная; носящіяся по высотамъ воздушнымъ прозрачныя езера, жаркимъ златомъ и чистымъ сребромъ сіяющія — все сіе суть дары Провидѣнія. Самый міръ сотворенъ ко

щастію

(*) *Низкія горы, надъ коихъ длинными и лазуревыми хребтами возвышается цѣпь горъ Альпійскихъ. Изъ послѣднихъ Веттергорнъ и Шрекгорнъ имѣютъ ужасную вышину.*

щастію гражданъ своихъ; всеобщее благо одушевляетъ натуру, и все ознаменовано добромъ высочайшимъ.

Въ тихомъ спокойствіи размышлялъ я о пріятномъ предметѣ семъ, и мракъ вечерній покрылъ уже испещренное различными цвѣтами небо. Тишина уединенія, сія мать изобрѣтеній, совокупляла въ связь мысли мои, и смятенный умъ мой, несогласный съ самимъ собою, мало по малу исходя изъ разсѣянія, принудилъ уста мои къ произнесенію сихъ словъ: „И такъ на сей то міръ

мірѣ жалуются мудрецы! Сей-то мірѣ называютѣ темницею, вѣ которой глупцы мучатся! Вѣ семѣ-то мірѣ не находитѣ Мандевиль (*) признаковѣ добра! Вѣ семѣ-то мірѣ дѣла производитѣ злоба, а чувствительность есть страданіе!... Что ощущаю я? Изліяніе хладныхѣ ужасовѣ распространяется по внутренности моей; ѳеатрѣ бѣдности нашей начинаетѣ открываться. Я зрю внутренній мірѣ, и обрѣтаю его

(*) *Сочинитель извѣстнаго стихотворенія о пчелахѣ, которой пороки почитаетѣ пружинами всѣхѣ дѣлѣ нашихѣ, и столь же полезными, какѣ и добродѣтели.*

его аду подобнымЪ. АхЪ! можетЪ ли быть тамЪ царствіе Божіе, гдѣ царствуетЪ мученіе и порокЪ? —— Се слабые человѣки спѣшатЪ кЪ страшной вѣчности! Сердца ихЪ исполнены воображаемаго спокойствія, но весьма истинныхЪ скорбей; грызущія желанія и суетная надежда обитаютЪ вЪ оныхЪ. ВЪ кратковременной жизни сей, всегда беспокойной и никогда истинно не ощущаемой, тщетно стремится обманутый духЪ ко благу дѣйствительному. Подобно какЪ густый парЪ, поднимающійся изЪ блата, обольщаетЪ заблудившагося стран-

странника: такъ и лету-
чее благо, украшаемое ме-
чтаніемъ и алчнымъ стре-
мленіемъ нашимъ, влечетъ
насъ отъ горя къ большe-
му горю и отъ скорби
къ погибели. Недовольный
самимъ собою, каждый
ищетъ спокойствія внѣ
себя; спокойствія, кото-
рое ему никто, кромѣ са-
маго его, доставить не
можетъ: гонимый мечтою
всегда жаждущихъ вожде-
лѣній, ищетъ онъ въ тру-
дѣ покоя и облегченія
во бремени. Тщетно раз-
судокъ хощетъ управлять
слабымъ кормиломъ! Бур-
ный океанъ вожделѣній иг-
раетъ легкою ладіею, до-

колѣ кормило не сокрушаютъ еще подводные камни, а ладію мѣль; изсохшіе остатки ихъ покрываютъ тогда коварный берегъ. Кто можетъ изъ тысящи дней замѣтить такой день, въ который бы огнь раскаянія не жегъ грудь его? Подъ какимъ чуднымъ созвѣздіемъ родился тотъ щастливецъ, на котораго бы скорбь, хотя на единъ день токмо, лишилась права своего? Какая польза, что Богъ наиприятнѣйшимъ образомъ міръ украшаетъ, когда сокровенный врагъ лишаетъ насъ услажденія? Изъ сердца нашаго истекаетъ горькій

кій источникЪ унынія; беспокойныя мысли суть адЪ мучительный. Щастливо, ещебЪ щастливо было сіе малое число дней нашихЪ, естьли бы сЪ окончаніемЪ оныхЪ скончавалась и наша жизнь, скончавалось и наше мученіе! —— Но ахЪ! БогЪ и разсудокЪ грозятЪ еще большими ужасами: никакой гробЪ не можетЪ укрыть насЪ отЪ жизни будущія! Утомленный духЪ, сосланный вЪ тѣло и бѣдно проведшій лѣта заточенія своего, поражаемЪ бываетЪ еще лютѣйшими ударами: отчаяніе палитЪ его пламенемЪ неугасаемымЪ, и

безсмертіе, сіе преимущество рода его, претворяется для него въ питіе горькое, токмо къ мученію его соблюдающее. Будучи въ враждѣ съ Богомъ своимъ, ощущая неудовольствіе на самаго себя, навсегда оставленный всѣми любимыми своими предметами, угрожаемый близкимъ мученіемъ и ужасаемый отдаленнымъ злощастіемъ, проклинаетъ онъ себя вѣчно, и на смерть уже не надѣется. . . . Бѣдные смертные, къ мученію созданныя существа! о дабы Богъ не воззывалъ васъ изъ ничего къ бытію! О дабы неустроенное основаніе

ваніе уединенныя вѣчности лежало еще въ пустой пропасти древняго мрака! . . . Милосердый Боже! въ таинственной тишинѣ неизслѣдимая воля Твоя управляетъ кругомъ міровъ. Совѣтъ Твой непостижимъ, печать онаго неразрѣшима и въ Тебѣ сокровенна: кто расторгнулъ ее? Сіе токмо вѣдаю, что существо Твое есть самая благость, и Духъ Твой, исполненный милости и долготерпѣнія, пылаетъ любовію. Солнце изображаетъ намъ щедроту Твою, ниспуская оживляющіе лучи свои, попримѣру Твоему, на существа всѣхъ родовъ. Отче! мще-

ніе и ненависть удалены отъ сердца Твоего; Ты не увеселяешься мученіемъ, и скорби наши не приносятъ Тебѣ радости. Не гнѣвъ былъ причиною творенія, но благость, отдавшая бытію предъ небытіемъ преимущество. Не единому токмо Себѣ хотѣлъ Ты доставлять удовольствіе; Ты повелѣлъ быть существамъ, коихъ бы Тебѣ ощастливить было можно; блаженство Твое, изъ Тебя Самаго истекающее, являлось Тебѣ еще блаженнѣйшимъ, на тварей изливаяся. Но какъ же, Боже мой, избралъ Ты такой міръ, который

торый вѣчно грѣшитъ и вѣчно мучится? Развѣ Божественный умъ не обрѣталъ чертежа совершеннѣйшаго, который бы не былъ противенъ щастію тварей?..

Но гдѣ я? куда увлекаюся? Богъ требуетъ отъ насъ дѣлъ, а не познаній. Воля Его намъ извѣстна: Онъ повелѣваетъ убѣгать пороковъ, а не стараться тщетно открывать причину существованія ихъ. Но развѣ духъ, порицающій существо Божіе, ослѣпляющій ввѣряющуюся ему невинность (*) свѣтомъ ложнымъ, и повелѣваю-

(*) *Повѣряющихся людей его ученію.*

лѣвающїй изъ господство-
ванія пороковъ и мученія
заключать, что каковъ
міръ, таковъ и Творецъ
онаго быть долженъ: развѣ
Манесъ восторжествуетъ
надъ Богомъ и Истинною?
Развѣ не возгорится въ
насъ огнь ревности, когда
на Бога хулы изрыгаютъ?
Развѣ можетъ быть до-
статочна тогда единая нѣ-
мая вѣра, когда воюетъ за-
блужденіе, и когда остро-
уміе подкрѣпляетъ оное?
Развѣ дотолѣ мы въ бездѣй-
ствіи пребывать будемъ,
доколѣ пламенныя молніи
не будутъ для насъ зна-
комъ къ битвѣ? —— Нѣтъ!
не такъ еще помрачилась
Истинна,

Истина, чтобы чистый лучь ея не сіялъ сквозь мрака и тмы. Сколь ни ослаблено отъ людей сіяніе ея, но блескъ блудящихъ огней онымъ затмѣвается, и самое косноязычіе ея сильнѣе всѣхъ великолѣпно украшенныхъ лжей. О дабы сама Истинна сія озарила меня свѣтомъ своимъ! о дабы сіе чадо небесное управляло перомъ моимъ! о дабы побѣдный гласъ ея, сердца проницающій, одушевилъ то, что теперь воспѣваю я въ честь ея!

ПѢСНЬ II.

Въ началѣ времени, единымъ Богомъ начинаемаго — текущаго вѣчно безъ источника, но неизсякаемаго — угодно было Богу сотворить міръ, въ которомъ, по совѣту Премудрости, Всемогущество и Благость вступили на позорище свое. Чертежъ различныхъ міровъ лежалъ предъ Господомъ, и всѣ возможности приготовлены были ко избранію; но Премудрость избрала совершенство, и наилучшій изъ міровъ былъ возванъ къ дѣйствительности. Чреватый силою слова

слова, ко множеству существъ сѣмя въ себѣ заключавшаго, раждаетъ древній хаосъ; пространство пустоты исполняется различнаго вещества; движущая сила оное разрѣшаетъ, раздѣляетъ, мѣшаетъ и образуетъ. Густота сжалася, свѣтъ и огнь быстро поднялися вверхъ, и новорожденныя солнцы возсіяли на мѣстахъ своихъ; міры стремительно начали обращаться въ назначенныхъ имъ кругахъ и изображать слѣды теченія своего. —— Богъ воззрѣлъ на дѣла Свои, и былъ доволенъ оными. Но нѣмое вещество не ощущаетъ Бога,

га, и участія въ свѣтѣ Его имѣть не можетъ; недоставало еще такаго существа, коему бы могъ Себя открыть Богъ. Богъ дунулъ, и дуновеніе сіе сообщило понятію существо и силу. Тако сотворенъ былъ міръ духовный. Различныя могущества и достоинства раздѣляютъ на степени неисчислимыя воинства, коихъ ряды, не въ равной мѣрѣ насыщаемые сіяніемъ сообщеннаго свѣта, отъ Бога къ пустому хаосу простираются. Сообразно различнымъ степенямъ умовъ чувствующихъ, вселилъ въ нихъ Богъ побужденіе ко свойственнымъ имъ благамъ; совер-

вершенство каждаго рода было поставлено мѣтою, къ которой желаніе духовъ стремилося по собственному влеченію. Но волею правила токмо нѣжная сила любви, такъ что и къ самому развращенію были врата отверзты; умъ никогда толь сильно къ добру не влечется, чтобы и первое его мановеніе къ противному вѣсы не перевѣшивало. Богъ не любитъ никакаго принужденія; міръ со всѣми своими недостатками превосходнѣе царства Ангеловъ, воли лишенныхъ (*). Ни

(*) *Мысль, полное вниманіе читателя заслуживающая.* *Сво.*

за что почитаетЪ ОнЪ произведеніе принужденія. Исполненіе самой добродѣтели бываетЪ токмо тогда изящно, когда мы вЪ избраніи отдаемЪ ей преимущество. При самомЪ еще началѣ зрѣлЪ БогЪ, до чего свобода довести можетЪ. ВѣдалЪ ОнЪ, что тварь легко ослѣпиться можетЪ свѣтомЪ собственнымЪ; что присоединенное тѣло

——— *Свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетЪ и паки возставить падшаго; она есть драгоцѣннѣйшій дарЪ Творца, сообщенный ИмЪ тварямЪ избраннымЪ.* Примѣч. Переводч.

тѣло слишкомъ много требуетъ отъ духа; что шумъ міра оглушаетъ слабый умъ; что несовершенный еще духъ не всегда обрѣтаетъ ту цѣпь, которая каждую часть соединяетъ съ цѣлымъ. Избранные въ друзья самаго Бога, вознесенные выше времени, весьма скоро забываемъ мы цѣну вѣчности; чарующій блескъ внѣшности затмѣваетъ внутреннюю наготу, и сила настоящаго умаляетъ величіе будущаго. Кто можетъ всегда измѣрять степень склонностей своихъ, въ которыхъ токмо средина полезна бываетъ, а крайность

ность всякая вредна и порочна? Ни единое конечное существо не вѣдаетъ связи всего сущаго, и токмо даръ всевѣденія можетъ доставить непогрѣшимость. Богъ зрѣлъ все сіе, но міръ создалъ; и такъ возможно ли чему либо быть мудрѣе того, что Богу угодно? Богъ, хотѣвшій въ царствѣ міра открыть Самаго Себя, вѣдалъ, что естьли все будетъ дѣйствовать единственно по принужденію, то міръ будетъ подобенъ часамъ, одушевляемымъ чуждымъ побужденіемъ; и что не будетъ добродѣтели, когда не будетъ возможности

къ пороку. Онъ хотѣлъ, чтобы познаніе побуждало насъ любить Его, а не слѣпая сила влеченій принужденныхъ; Онъ благоволилъ даровать твари ту неоцѣненную славу, что бы угодною Ему быть по избранію, а не по необходимости. Различіе дѣлъ уничтожается принужденіемъ; мы уже тогда Бога не хвалимъ, когда Онъ принуждаетъ насъ хвалить Себя. Въ бездѣйствіи будетъ правосудіе съ благостію, въ бездѣйствіи будутъ сіи свойства Божественныя, естьли все творить будетъ самъ Богъ, а мы ничего.

Почему и предалъ Богъ духовъ воли ихъ и необходимымъ послѣдствiямъ дѣлъ. Но при всемъ томъ рука Его управляла кормиломъ мiровъ; по велѣнiю Его колесу Натуры останавливаться надлежало. Тако новосозданные духи, сiи совершенныя твари Творца совершеннаго, содѣлалися обитателями мiра. Ничего еще не было въ нихъ такаго, что бы не ко благу влекло ихъ; не возрождалося въ нихъ никакое побужденiе, которое бы не соотвѣтствовало высокому ихъ происхожденiю. Каждый изъ сотворенныхъ былъ совершенъ

въ родѣ своемъ: единый одаренъ былъ дарами большими, но и другой ничего лишенъ не былъ. Нѣкоторыя существа были освобождены отъ всего земнаго, и свойствомъ и славою были ближе къ Богу. Ни единъ смертный не познаетъ васъ, о вы, натуры небесныя! Мало находится въ насъ слѣдовъ изящности вашей. Вѣдаемъ токмо, что вы, превыше насъ вознесенныя, занимаете первое мѣсто въ ряду существъ. Можетъ быть, когда при сумрачномъ блескѣ озаренія токмо чрезъ пять отверстій проницаетъ къ намъ

лучь Истинны, вы, при полуденномъ свѣтѣ, чрезъ тысящу вратъ наполняете свѣтлый умъ свой, и все въ васъ созерцаетъ. Вамъ извѣстны тысящи существъ, коихъ зрѣть мы не способны; и свѣтъ бываетъ для насъ токмо тогда свѣтомъ, когда отверзаются очи наши. Око наше претыкается о наружность, но предъ проницательнымъ взоромъ вашимъ Натура обнажается. Можетъ быть и впечатлѣніе понятій въ слабомъ умѣ нашемъ не можетъ быть сильно и продолжительно; но въ васъ все остается, и будучи неподвержены

зако-

законамъ времени, всегда возобновляете вы живыя впечатлѣнія, когда токмо угодно вамъ. Можетъ быть —— подобно какъ духъ нашъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенный, неудобенъ къ помѣщенію въ себя вдругъ двухъ мыслей —— отверзтый умъ вашъ способенъ ко принятію многаго; умъ, коего обширность помѣщаетъ въ себѣ всякое впечатлѣніе. —— —— Но знаніе наше въ разсужденіи сего есть токмо чаяніе. Довольно и того, что умъ Ангеловъ устроенъ былъ ко благу; влеченіе ихъ къ добродѣтели было столь же сильно,

но, сколь силенъ былъ разумъ ихъ. Они стремились къ Богу, яко отечеству своему, и вѣчно занимаяся хвалою и поклоненіемъ, желали единственно умножать свѣтъ свой ко славѣ Его.

Въ дальномъ отстояніи отъ нихъ находится родъ смертныхъ, имѣющій право на гражданство небесное и ничтожество. Родъ сей сотворенъ изъ вещества не равно твердаго; отчасти сотворенъ онъ къ вѣчности, отчасти къ истлѣнію. Онъ есть нѣчто посредствующее между Ангелами и скотами

тами; онъ переживаетъ самаго себя, умираетъ и не умираетъ никогда. Но и мы, ахъ! и мы были добра исполнены. Щастливое юношество міра не зрѣло тогда ничего вокругъ себя, кромѣ блаженства и добродѣтели. И въ насъ впечатлѣлъ Богъ величественый образъ Свой; не только владыками звѣрей создалъ Онъ насъ. Ему угодно было вложить во внутренность нашу два различныя побужденія: любовь къ самимъ себѣ и любовь къ ближнему. Одна другой превосходнѣе; но и первая, будучи невинна, какова тогда еще была

 она,

она, есть плодоносный источникъ трудовъ и терпѣнія. Она возвышаетъ духъ, научаетъ познавать честь, воспаляетъ огнь, которымъ Ирои пылаютъ; и умъ, міръ забвенію предающій, ведетъ къ совершенству по крутой стезѣ, которую добродѣтель терніями усѣваетъ. Она бдитъ надъ благомъ нашимъ, облегчаетъ нашу скорбь, примиряетъ насъ съ самими собою, и прерываетъ дремоту лѣниваго. Она научаетъ насъ пещися о будущемъ, и грядущій недостатокъ награждаетъ прежнимъ изобиліемъ. Она утишаетъ ярость дерзостнаго,

стнаго, вооружаетЪ робкаго; она творитЪ жизнь драгоцѣнною вЪ очахЪ страдающаго, вЪ мѣстахЪ дикихЪ ищетЪ врачевства отЪ глада; отЪ плодовЪ тучныя паствы одѣваетЪ она нагихЪ, вЪ помощь путешествію нашему прокладаетЪ путь чрезЪ море; вЪ сраженіи желѣза сЪ камнемЪ обрѣла она источникЪ огня, ископала покорившую всѣхЪ звѣрей руду; изЪ травЪ вывариваетЪ она врачевство для скорбей тѣлесныхЪ, проникла вЪ сокровенныя свойства Натуры, и вооружаетЪ умЪ искусствомЪ, и науками. —— Почто же

она, ослѣпляемая нѣжною ревностію, въ воображаемомъ щастіи толь часто находитъ дѣйствительное злополучіе!

Побужденіе къ доставленію блага другимъ гораздо благороднѣе. Съ небесъ нисходитъ пламя онаго, и не раждаетъ дыма. Ни единая черта въ человѣкѣ, Богомъ по образу Его сотворенномъ, не являетъ яснѣе высокаго его происхожденія. Любовь сія была первою цѣпію человѣковъ. Она творитъ намъ общежитіе пріятнымъ, собираетъ насъ во грады, отверзаетъ сердце наше

наше при воззрѣніи на терпящаго; она охотно раздѣляетъ хлѣбъ съ бѣднымъ, и производитъ въ насъ удовольствіе, Титомъ часто желанное, когда подобная намъ тварь отъ руки нашей получаетъ щастіе свое. Отъ нее происходитъ дружба, сія сладостная сердецъ пища, которую Богъ, среди множества нуждъ нашихъ, даровалъ намъ въ послѣднее утѣшеніе. Она возжигаетъ свѣтильники, при радостномъ свѣтѣ коихъ, къ обоюдному блаженству, соединяются двѣ души; внутренное чувство, первый долгъ сердецъ, есть особли-

особливое влеченіе всеобщія любви. Она привлекаетъ насъ къ дѣтямъ нашимъ; она превращаетъ во удовольствіе трудъ, требуемый слабостію ихъ; она есть гласъ крови, въ пользу младенцовъ вопіющій, и внутренность нашу въ движеніе приводящій. И къ самымъ небсамъ восходятъ чистыя пламяна ея; къ Богу ведутъ насъ оныя, происшедши сами изъ любви Его. Влеченіе ея вѣчно стремится къ любви достойному, и успокоивается токмо во обладаніи вышнимъ благомъ.

Еще болѣе попекся Богъ о слабости нашей. Въ насъ самихъ сокрывается нѣкое бдительное чувство, всегда злу противящееся и насъ легко уязвляющее; въ отмщеніе свое возбуждаетъ оно къ мятежу все тѣло. Въ нѣжномъ зданіи маленькихъ пузырьковъ, сообщающихъ каждой части нашей силу и пищу, всякая бы излишность прерывала слабую нить, и самое здравіе приводило бы непримѣтно ко гробу. Но въ мягкомъ мозгѣ сухихъ жизненныхъ жилъ обитаетъ тайная чувствительность, которая хотя и бываетъ источникомъ слезъ,

слезѣ, но купно есть и источникѣ жизни; она побуждаетѣ насѣ кѣ сопротивленію врагу, мнящему втайнѣ измождить насѣ; она сохраняетѣ трепещущія нервы отѣ застуды и соли, разрываетѣ всѣ остроты приливомѣ сладкаго сока, и посредствомѣ возбужденія жажды прохлаждаетѣ соленую кровь токами утонченныя жидкости. Во всякомѣ недостаткѣ, отѣ коего гніютѣ члены наши, болѣзнь есть горькое питіе, врачующее тѣло наше.

Во глубинѣ внутренности нашей находится еще

еще гораздо спасительнѣйшая сущность, судящая дѣла и испытывающая поступки наши. Отъ Неба получила она право свое; въ совѣсти предначертало Оно человѣку естественныя должности: пламенными чертами Оно изобразило въ насъ мерзость порока, и слѣдствіе его, горькое раскаяніе. Духъ, въ коемъ грѣхъ царствуетъ, не можетъ имѣть мира; въ адъ претворяетъ онъ самихъ насъ, но — при всемъ томъ мы его не избѣгаемъ.

Приготовленные къ морю и бурѣ, получившіе все ну-

нужное, пустилися мы въ пространный океанъ міра. Орудіями щастія нашаго равно надѣлены мы: каждый имѣетъ часть свою, и никто не преданъ забвенію. Но въ душѣ самой владычествуетъ мѣра и различіе; щастіе смертныхъ долженствуетъ быть разнообразно. Порядокъ Натуры производитъ желѣза болѣе, нежели злата. Самое бы худое было то государство, которое бы состояло изъ однихъ только Философовъ. Раздѣленное остроуміе вездѣ плоды приноситъ, и каждый занимаетъ то мѣсто, которое собственно для него при-

приготовлено было. Гордый духъ, судьбою обманутый, споспѣшествуетъ щастію отечества своего, стараяся токмо о своихъ выгодахъ. Нижайшій умъ, довольствующійся потомъ и хлѣбомъ, во дни жара обработываетъ поле, и знатному доставляетъ содержаніе. Мудрецъ, при мракѣ нощи и тихомъ свѣтѣ лампады, ищетъ внутреннюю силу тѣла, существо души своея; а мать, меньшимъ просвѣщеніемъ одаренная, съ истинною также пользою правитъ домомъ своимъ, и для государства чадъ воспитываетъ.

Токмо по наружности дары различны; каждый получилъ потребное для себя. Ни единъ человѣкъ толико не развращается, чтобы врожденный его свѣтъ, когда онъ обольщаетъ себя, первый не изрекалъ осужденіе его. Силу крови и правды познаютъ и Гуроны, на снѣжныхъ брегахъ Мичигана обитающіе, и въ жаркихъ странахъ юга ощущаетъ Готтентотъ всеобщія должности и законъ Натуры.

ПѢСНЬ III.

О Истинна, бывшая свидѣтельницею событія! повѣдай мнѣ, кто уничтожилъ цѣль Божію и наше щастіе? Кто возмутилъ Духовъ противъ Бога, насъ преклонилъ къ пороку и содѣлалъ собственными своими врагами?

Различно было паденіе различныхъ чиновъ Ангельскихъ. Изящность нѣкоторыхъ содѣлалася ихъ погибелію. Познали свѣтъ свой, и впали въ мрачность. Они думали, что сила ихъ истекаетъ изъ нихъ самихъ. Исполняяся

сіянія своего, негодуя на всякіе предѣлы, не познали они Бога, Коего бы имъ благодарить надлежало. Весьма сильное ихъ стремленіе къ совершенству превратилося наконецъ въ ощущеніе собственнаго величія. Гордость ихъ премѣнила страхъ Божій на ненависть ко Творцу всеобщему, послѣ Котораго были они изъ существъ первые. —— Тако соборъ сей уклонился отъ Бога, источника свѣта своего. Сіяніе ихъ, Богомъ сообщенное, скоро пало въ собственное ничтожество; ничего добраго не осталось въ нихъ. Они оставили Бога,

за-

заклялися ненавидѣть истинную цѣль любви: наслажденіе вышняго блага было на вѣки утрачено, умомъ обладало неудовольствіе, свѣтъ разсудка помрачился. Въ самомъ существѣ своемъ, въ кое они углубилися, не обрѣтался уже внутренній источникъ беспрестаннаго удовольствія. Богъ наказалъ возмущеніе, и гордость ихъ содѣлалася ихъ срамомъ; зло избрано было, злыя были и слѣдствія избранія сего. Наконецъ раскаяніе безъ покаянія, отчаяніе въ разсужденіи спасенія, и злоба безъ могущества, были частію отпадшихъ.

——— ——— Но вѣрность сохранившіе Ангелы, никогда отъ Бога неуклонявшіеся, въ присутствіи Его обрѣтаютъ рай духовный и день безъ нощи. Беспрестанно возвышаяся, приближаются они къ Божеству; удаленные отъ непріятнаго пресыщенія, въ желаніи наслаждаются и въ наслажденіи желаютъ; питаютъ духъ свой свѣтомъ, сердце сладостію.

Зло, коего сила могла уменьшить число жителей небесныхъ, легкое сопротивленіе обрѣла у слабыхъ чадъ Адамовыхъ. Беспрерывный кругъ образовъ съ улыб-

улыбкою вездѣ срѣтаетъ умъ, привлекаетъ къ себѣ, очаровываетъ и плѣняетъ во власть свою. Скоро забава и украшеніе изгнали важность; скоро образъ трудовъ и добродѣтели явился сухъ и непривлекателенъ. Душа прилѣпилася къ покою и веселію; взоръ отвратился отъ добродѣтели, и сила ея умалилась. Тѣло наше также влечетъ насъ къ услажденіямъ чувственнымъ, и побудительныя причины онаго для насъ нѣжности исполнены. Размышленіе не сопутствовало наслажденію, а познаніе ощущенію. Но конечное и не можетъ

 быть

быть совершенно; самое зло вселилось въ насъ отъ заблужденія. Слабый духъ утратилъ владычество надъ склонностями, и средства къ сохраненію жизни нашей мы въ ядъ обратили. Влеченія Натуры позабыли цѣль и мѣру свою, и существа небесныя, каковыми дотолѣ были мы, истребили изъ памяти высокое опредѣленіе свое. Изящность любви побуждала къ непозволеннымъ вожделѣніямъ, а попеченіе о содержаніи своемъ къ ненависти и враждѣ горестной; живое стремленіе къ чести подъяло въ сердцахъ главу свою.

Хотя

Хотя совѣсть и разсудокъ и задерживаютъ теченіе зла, но ненавистныя уста ихъ, противнаго ученія исполненныя, сохранили токмо право къ охужденію, а не воспрепятствованію. Мы всѣ порочны; всеобщій ядъ сообщенъ человѣкомъ обоимъ мірамъ. Доколѣ простирается область человѣка, повсюду царствуютъ злато, честь, сластолюбіе, и всѣ исчадія сердца, отъ оныхъ трехъ владыкъ чреватѣющаго: коварный обманъ, скорбію другихъ производимая радость, презрѣніе достоинствъ ближняго, раждаемое завистію злословіе, оболь-

щеніе слабыхЪ юношей, служеніе мамону, бесплодная праздность, жадность кЪ суетному дыму, и иныя ядовитыя чудовищи, которыя терзаютЪ сердца всѢхЪ человѢковЪ; сердца, истиннаго плода уже не приносящія. Чудовищи сіи пріемлютЪ на себя видЪ различный: нѢкоторыя сокрываются подЪ покрываломЪ честности; а другія, коихЪ стыдЪ не нудитЪ уже закрываться личиною, естественною своею гнусностію ужасаютЪ око. Слабое различіе, на поверхности токмо находящееся, не проницающее во внутренность, и

и никого ослѣпить уже не могущее! Ни время, ни страна, ни обыкновенія, не могутъ премѣнить Натуру; источникъ течетъ вездѣ, а токмо единый видъ теченія премѣняется. Всуе какой либо народъ прославляетъ невинность нравовъ своихъ! зло токмо еще не столь устарѣло въ немъ; не столь глубоко еще ниспалъ онъ. Среди ледяныхъ горъ живущіе Лапландцы, гдѣ слабый жаръ изливающее солнце не вселяетъ побужденія къ сластолюбію, суть также рабы пороковъ; они, подобно намъ, нерадивы, исполнены скотскихъ вожде-

деленій, суетны, корыстолюбивы, леностны, завистливы и злобны. Не все ли едино, рыбій ли жиръ, или злато смертоносную вражду производитъ? (*)

Уклоняющійся отъ добродетели отказывается отъ щастія своего. Должности суть путь, уставленный Богомъ ко благополучію; сердце, въ коемъ порокъ господствуетъ, никогда не любило себя. Извне не втекаетъ никакое утеше-

ніе,

(*) *Мысль и выраженіе сіе доказываютъ, что Галлеръ имелъ даръ въ немногихъ словахъ сказывать много.* —— Примеч. Переводч.

ніе, когда мы во внутренности мучимся. Наслажденіе бываетъ для насъ отвратительно, коль скоро лишаемся истинныхъ потребностей (*). Сокровищи міра сего суть токмо блага тѣлесныя; истинный человѣкъ, духъ нашъ, не беретъ въ нихъ никакаго участія; онъ утомляет-

(*) *Истинна неопровергаемая, и каждымъ человѣкомъ ощущаемая! Будешь окруженъ возлюбленными, будешь знатенъ, будешь богатъ, но все еще не будешь спокоенъ. Для чего? для того, что ты лишенъ* истинныхъ потребностей; *всѣ сіи блага суть для тебя блага чуждыя.* —— Примѣч. Переводч.

ляется, и при всѣхъ ложныхъ благахъ находится яко среди степи. Неудовольствіе въ наслажденіи обнаруживаетъ внутреннюю пустоту. Никогда настоящимъ невозвеселяемый, беспрестанно къ премѣнамъ стремящійся, и ни къ чему постоянную вѣрность не сохраняющій, познаетъ и самый щастливѣйшій, коль все ничтожно. Тщетно судьба осыпаетъ насъ благами, и самыя прошенія наши превосходящими! Сынъ Филипповъ покорилъ міръ подъ власть свою, а не спокойствіе. Безумецъ стремится ко щастію; никакая цѣль не заключаетъ путе-

путешествіе его; гдѣ онъ окончать думалъ, тамъ паки снова начинаетъ. Но и мечтательное щастіе рѣдко возвеселяетъ человѣка: ибо единое преимущество сообщаетъ высокую цѣну чести и злату. Блага натуры суть конечны и исчислимы; одинъ возвеличивается тѣмъ, чего другой лишается. Побѣдитель прославляется смертію тысящи сочеловѣковъ своихъ, а бѣдность множества поселянъ дѣлаетъ токмо одного богатымъ. Щастливый любовникъ съ восхищеніемъ слушаетъ признаніе взаимнаго жара отъ возлюбленной своей,

но

но признаніе сіе осуждаетъ на мученіе солюбовниковъ его. Для сихъ ложныхъ благъ мы сражаемся въ мірѣ; не достоинство ихъ, но единая ревность у насъ умы воспаляетъ, подобно какъ у младенцовъ —— кто же не подобенъ имъ въ нѣкоторомъ отношеніи? —— за спорную бездѣлку дерущихся: побѣда переходитъ отъ одного къ другому; одержавшій ее приводитъ въ досаду соревнователей своихъ ничтожными трофеями: никто не веселится, и горесть всѣхъ угнѣтаетъ. Мы потѣемъ, скорбимъ, молимъ, расточаемъ время и кровь; но пріобрѣтенное ни-

никого наконецъ щастливымъ не дѣлаетъ. Тако находимъ мы истинное злополучіе тамъ, гдѣ искали удовольствія; скипетръ толь же часто проклинаемъ бываетъ, какъ и орало. Страхъ, - сей мразъ души; гнѣвъ, подобный рѣкѣ огненной; мстительность безъ могущества; колкое терніе скорби; бдительная ревность, заботящаяся о собственномъ своемъ страданіи; пламя нетерпѣнія; драгая цѣна радости; терзательное ложе любви; бремя праздности: —— все сіе убѣгаетъ соломенныхъ крововъ, а царствуетъ въ чертогахъ. Еще

болѣе терзаетъ духъ гнѣвная совѣсть; ни могущество, ни совершенное отвращеніе отъ Бога не можетъ освободить отъ угрызеній ея. Страшный ея гласъ проницаетъ въ храмины Государей: одѣтый златомъ и пурпуромъ, трепещетъ супругъ Октавіинъ, и зритъ при всякомъ шагѣ своемъ, сколь онъ спать ни старается, отверзтыя челюсти непремѣнныхъ наказаній.

Тѣло, сіе превосходное твореніе вещественнаго велелѣпія, поспѣшно слѣдуетъ гостю своему, и ощущаетъ силу зла. Бу-

Будучи совершенно, будучи достойно образа Божія, имѣло оно еще нѣкогда невинность врачемъ своимъ, а щитомъ единство. Находяся отъ смерти далѣе, а можетъ быть и совсѣмъ отъ нее освобожденное, брало оно прежде участіе въ наслажденіи, но нынѣ беретъ участіе въ наказаніи. Со дней паденія время ускорило ходъ песочныхъ часовъ своихъ; стремленіе къ убійству ископало руду, для сокращенія краткаго срока; смерть, скорбь и болѣзнь изрываютъ и чрезъ моря перевозятъ, а излишность пищу нашу въ ядъ превращаетъ. Червь за-

ботъ пожираетъ бальзамъ соковъ нашихъ; скоро возгарающееся пламя сластолюбія расточаетъ силы тѣла: истлѣвшее, устарѣвшее и токмо къ страданіямъ способное, спѣшитъ оно къ древнему спокойствію и во гробъ повергается.

Духъ, удаленный уже отъ всего того, чѣмъ онъ доселѣ омрачался, зритъ себя въ такомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ ничего ему принадлежащаго; въ царство пустой тмы сопутствуетъ ему только несносный образъ собственныя гнусности. Злато, честь, сла-

сластолюбіе, мечты, къ коимъ стремился онъ; ослѣпленіе, произвольное заблужденіе, на кое онъ опирался; остроуміе, знатность, науки, игра самолюбія: —— все оставляетъ его, и едино чувство лишенія живетъ въ немъ. Все является ему въ противномъ видѣ: онъ ненавидитъ любимое, а чтитъ презираемое доселѣ. Каждое мгновеніе ока, зло имъ проведенное, заплатилъ бы онъ тогда, естьли бы возможно было ему паки въ прежнюю жизнь возвратиться, цѣлыми лѣтами страданія. Истинна, коей силѣ полагаетъ

препоны мятежъ міра, не обрѣтаетъ уже ничего, что бы ощущеніе ея въ сей пустынѣ умалить могло; пожирающій огнь ея проницаетъ внутренность натуры, и въ глубочайшемъ мозгѣ ищетъ самомалѣйшихъ слѣдовъ зла (*). Пренебреженное благо, содѣланное зло и отвергнутыя средства, суть терзатели, беспрестаннымъ раскаяніемъ разжигаемые.

Стра-

(*) *сочинитель, нѣкоторымъ образомъ темно, предлагаетъ здѣсь священную истину; такую истину, которую мы не найдемъ иногда и во множествѣ томовъ сочиненій нынѣшнихъ модныхъ теологовъ.* Примѣч. Переводч.

Страдачія его беспредѣльны; ибо онъ есть купно и мучимый и мучитель.

—— ——

О коль блаженъ соборъ достойныхъ смертныхъ, который, презираемъ міромъ, занимается разсматриваніемъ истиннаго достоинства вещей, а не мечтами, и сохраняя вѣрность ко внутреннему гласу, устрашающему человѣка для собственнаго же блага его, цѣлію всѣхъ дѣяній поставляетъ должности свои! —— Положимъ, что міръ, поношеніе и бѣдность угнѣтаютъ смертныкъ сихъ; но коль пріятно премѣнится нѣкогда судьба ихъ,

когда, при чистомъ свѣтѣ, духъ ихъ будетъ доволенъ самимъ собою, побѣжденныя страданія почтетъ себѣ сладостію, и внутренно будучи въ мирѣ съ Богомъ, источникомъ даровъ всѣхъ, обрящетъ себя во всегдашней близости къ высочайшему Благу!

Между тѣмъ міръ, созданный Богомъ ко славѣ Его и нашему щастію, пребываетъ собственностію зла. Жребій блага во всемъ рѣдокъ: гдѣ тысяща мучится, тамъ единъ достигаетъ благополучія. Временное благо, коимъ никто совершенно не насла-

слаждается, преслѣдуетъ бесконечная скорбь, отъ всякаго успокоенія удаленная. —— Боже, милости и правды исполненный! осмѣлится ли твореніе Твое вопросить Тебя, какъ можетъ благость Твоя терпѣть мученіе наше? Не уже ли, Отче нашъ! увеселяетъ Тебя бѣдность чадъ Твоихъ? Развѣ истощена была любовь Твоя? развѣ слабо Твое всемогущество? —— Но естьли никакой міръ не могъ быть совершенно освобожденъ отъ зла, то почто же Ты небытіе прервалъ?... Сокровенны суть, Боже нашъ, пути благости Твоея;

слѣпотою нашею укорять мы Тебя не можемъ. Можетъ быть, что истинна, мучащая человѣка, продолжительными страданіями нѣкогда очиститъ преображенный духъ нашъ, и обращенная воля наша, вкуся горькіе плоды порока и содѣлаяся врагомъ его, совершенно къ добру обратится. Можетъ быть, что Богъ преклонится наконецъ позднимъ раскаяніемъ, привлечетъ къ Себѣ всѣхъ насъ, и будетъ все во всемъ. Щастіе совершенныхъ избранныхъ награждаетъ, можетъ быть, меньшую степень скорбей мучащихся. Міръ нашъ,

яко песчинка вѣ морѣ по воздушному пространству носящійся, есть, можетѣ быть, отечество зла. Звѣзды могутѣ быть столицею духовѣ просвѣтлѣнныхѣ, гдѣ вѣчно царствуетѣ добродѣтель, подобно какѣ здѣсь порокѣ. Міръ сей, сія менѣе изящная точка міра, можетѣ споспѣшествовать совершенству великой вселенной.—— Мы, знающіе токмо міръ вѣ малѣйшемѣ отдѣленій, заключенія свои основываемѣ на частицѣ, отрывая ее отѣ цѣлаго.

Богѣ любитѣ насѣ. Кто знаетѣ тѣло свое? Скажите, чего недостаетѣ вѣ

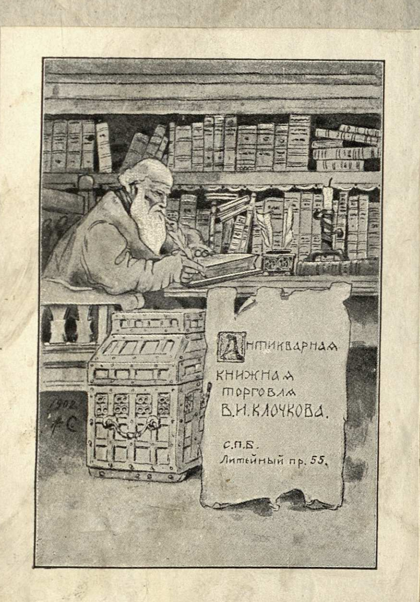
немѣ

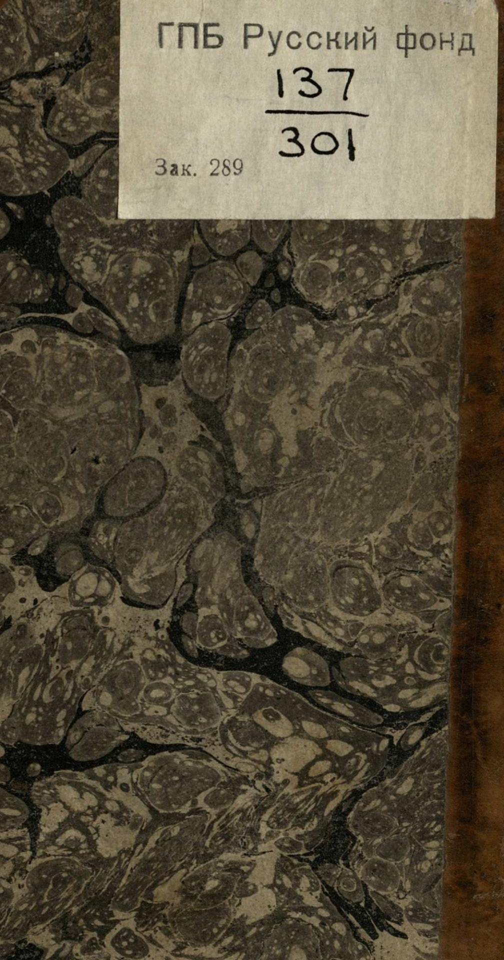
немъ для полезности и увеселенія? Зрите связь и согласіе въ силахъ; зрите, какъ всякій членъ способенъ къ человѣческимъ упражненіямъ. Каждая часть печется о себѣ, но печется и о другихъ: сердце пріемлетъ отъ мозга духъ, а мозгъ отъ сердца кровь. Въ самомъ удобнѣйшемъ пространствѣ всему надлежало быть полезнымъ, и изъ единой пользы истекать многимъ. Круготеченіе насъ оживляетъ и хранитъ отъ гнилости. Негодныя уже частицы сами собою выходятъ изъ насъ потомъ, и все зданіе наше кажется всегдашнимъ об-

разцемъ Науки высочайшей, съ высочайшею благостію соединенной.

Можетъ ли Богъ, толь отечески пекущійся о тѣлѣ нашемъ, о сей пищѣ и вмѣстилищѣ червей, и толь великолѣпно оное украсившій, душу нашу чтить менѣе? Можетъ ли Онъ поставить тѣлу цѣлію благо, а духу злощастіе?... Нѣтъ! благость Твоя, Боже мой! весьма явна. Все твореніе показываетъ любовь Твою. Благость, врановъ питающая, конечно не отвергнетъ человѣка. Великъ Ты въ маломъ, но безконечно великъ въ величественномъ. Да и кто сомнѣваться дерзаетъ? Рабъ не-

неблагодарный. Твориже, что угодно Тебѣ: воля Твоя праведна. Неправда и погрѣшности удалены отъ Всемудраго. Когда усиленный духъ нашъ возможетъ нѣкогда сносить сіяніе свѣта Твоего, и книга судьбы отверзется предъ очами нашими; когда Ты удостоишь насъ показанія причины дѣяній Твоихъ: тогда, Отче нашъ! всѣ въ истиннѣ поклонятся Тебѣ, и познаная совѣтъ Твой, поносимый слѣпотствующими, во правосудіи узрятъ токмо милость и премудрость безконечную.

1902
Антикварная
книжная
торговля
В.И.Клочкова.
С.П.Б.
Литейный пр. 55.

ГПБ Русский фонд
137
301
Зак. 289